

Ю.Г. Благодер

Роль российских путешественников XIX в. в развитии отечественного китаеведения

Ключевые слова: китайская традиционная культура, китаеведение, этнография, российские путешественники, китайский этикет, церемонии, искусство, театр, императорский дворец, фанза, кумирня.

Интерес к Востоку становится характерной чертой духовной культуры российской творческой интеллигенции XIX в., которая, используя достижения европейской и отечественной научной мысли, пытается переосмыслить уникальную восточную культуру и определить степень европейских и азиатских социальных и духовных взаимовлияний. В работах многих исследователей исходной темой рассуждений явились вопросы о несходстве форм организации жизни и деятельности людей Запада и Востока, а также месте отечественной традиции в составе всемирной культуры.

Многие европейцы XVIII – начала XIX в. представляли себе Китай необыкновенно далекой, полной удивительных загадок страной мечты. Из различных частей мира, в том числе и из Китая, приходили новости о добродетельных и даже великопепных цивилизациях, находящихся вне европейского влияния. Это дало толчок для формирования в умах людей воображаемого образа идеального мира, разрушить или укрепить который могли лишь очевидцы, чьи свидетельства превратились со временем в историко-литературные документы.

Весомый вклад в изучение Дальнего Востока, Центральной и Юго-Восточной Азии оказывали российские научные общества и организации. Так, Министерство иностранных дел Российской империи по просьбе Российской Академии наук, Русского географического общества и Петербургского университета оказывало покровительство и помощь многим представителям мира науки, в числе которых можем назвать географов Г.Е. Грумм-Гржимайло, М.В. Певцова, Н.М. Пржевальского, В.И. Роборовского. В неисследованные территории азиатского материка отправлялись одна за другой географические, этнографические, археологические экспедиции с целью «заполнить “белые пятна” на карте Азии. Для науки были открыты пространства от Хингана на востоке и до Тибета на юге, Памира и Тянь-Шаня на западе. Исследовались неизвестные территории, история живущих там и уже исчезнувших народов, их быт, язык и культура» [1, с. 257].

Благодаря усилиям российских путешественников в распоряжение ученых и читающей публики поступил большой массив новых материалов и документов: мемуары и письма, библиографические очерки и переводы китайской литературы, снабженные ценными комментариями, терминологическими словарями, указателями географических названий и личных имен, в которых мы находим не только описание базовых философско-политических принципов развития китайской империи, но и достаточно любопытные подробности быта ее жителей.

Печатные издания информировали общественность не только об успешно завершившихся проектах, но и о планирующихся на будущее, призывая принять участие в их организации. К примеру, о подготовке экспедиции Н.М. Пржевальского свидетельствуют материалы январского выпуска «Новостей» за 1884 г., где особое внимание уделялось роли благотворительной деятельности. В дореволюционный период в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» достаточно часто публиковали материалы, предоставленные российскими востоковедами. Здесь увидели свет работы, связанные с изучением истории, этнографии и географии Китая, памятников материальной и духовной культуры народов Центральной Азии. Российские читатели получили возможность не только проследить пути передвижения экспедиций таких выдающихся путешественников, как М.В. Венюков, Н.М. Пржевальский, А.П. Георгиевский, Е.П. Ковалевский и других, но и узнать много интересной информации, полученной от очевидцев.

Интерес к Китаю как к объекту познания привел к проведению российскими учеными в XIX в. широких разносторонних исследований. Несмотря на различия научных интересов, историки, этнографы, географы не были обособлены друг от друга. Напротив, всесторонне изучая прошлое и настоящее народов Азии, они поддерживали между собой тесную связь, помогая друг другу своими знаниями в изучаемых ими областях, что позволяло достичь столь значимых результатов. «С одной стороны, востоковеды, входя в качестве действительных членов в Географическое общество и принимая в его работе самое горячее участие, из материалов письменных источников извлекали ценные данные географического и естественнонаучного характера, с другой – путешественники-географы во время своих экспедиций занимались

изучением предметов материальной культуры народов, населявших те местности, которые они посещали» [1, с. 257].

В 1849 г. путешествие в Китай совершил выдающийся географ, талантливый писатель и общественный деятель Е.П. Ковалевский. В его записках об этой поездке большое внимание уделялось описанию жизни, быта и нравов местных жителей. «Населенность Китая, – отмечает ученый-востоковед, – поражает путешественника. Здесь вы никогда не теряете из виду человека, его жилище и его могилу. Деревни не прерываются. Весь Китай, кажется, составляет один город с его загородными домами, кладбищами, нивами и садами» [2, с. 119].

Не случайно российские путешественники, прожившие в Китае достаточно долго, постепенно начали понимать, что они попали в совершенно другой мир, при проведении анализа которого необходимо оглянуться вокруг и внимательно рассмотреть и почувствовать национальную специфику форм общения и социального взаимодействия. Несмотря на растущее стремление изучать Китай, многие европейцы долгие годы считали эту страну враждебной к иностранцам. В.М. Алексеев же называет Китай «страной вежливости и даже, более того, страной приветия». «Уже в Пекине, – пишет он, – я был поражен обилием форм выражения приветия на китайской почтовой бумаге и почтовых конвертиках, где благопожелания и изысканнейшие комплементы представлены в вариациях совершенно виртуозных» [3, с. 108]. Везде, где ему удалось побывать, в храме, школе или лавке – «прежде всего, усаживают на почетное место, угощают чаем, расспрашивают, интересуются, не скупясь на комплименты, и манеры у всех строго почтительны». Но вежливость здесь не является внешней необходимой чертой поведения только высших слоев общества: «когда мы проходим, сидящие на корточках отдыхающие рабочие или крестьяне поднимаются и необычайно приветливо кивают головой. Если курят или едят, то делают руками приветствие, поднимая их вместе с чашкой, куском хлеба или трубкой. Приглашают разделить трапезу, как бы ни была она скромна» [3, с. 61]. Если подобное поведение считалось предосудительным и было бы мгновенно осуждено российскими обывателями XIX в., то в Китае – это вполне естественно и приемлемо. «Киваешь головой какому-нибудь старику, бредущему навстречу, он тотчас же вежливо, даже слегка манерно, отвечает, затем осведомляется, куда держим путь, и восхищенный тем, что понимает и понят людьми, во всем столь резко ему противоположными, долго еще смотрит, кивает и улыбается нам во след» [3, с. 83]. В этом автор видит одну из чудесных особенностей этого удивительного государства и народа, проживающего в нем.

Интерес, проявленный российскими исследователями к правилам китайского этикета, просматривается

в достаточно частом упоминании местных традиций. Примером может служить сюжет, описанный Е.П. Ковалевским. «Два встретившихся в толпе экипажа вдруг останавливаются, из них выскакивают торопливо, как будто вспомнив о чем-то важном, что совсем было забытым, двое китайцев и принимаются отвешивать друг другу поклоны. Кланялись долго, так, что их можно было почесть за механические куклы, поставленные среди дороги. Поезд, тянувшийся нескончаемыми нитями экипажей вперед и назад, остановился. Кучеры равнодушно закуривали свои трубочки, проезжающие терпеливо ожидали, пока двое китайцев наклоняются вволю друг другу, потому что не было возможности объехать их. Наконец, они селились, и волны народа лились за ними до новой преграды» [2, с. 144].

Исключительная познавательная ценность рассказа о путешествии по чужой стране заключается в том, что в нем встречаются и тесно взаимодействуют разные и во многом несхожие традиции. Основопологающие представления о человеке и мире, заложенные в сознании европейского человека, сталкиваются и переплетаются с представлениями традиционного китайского общества. К примеру, предложить китайцу вопрос просто и категорически выраженный считается большой неучтивостью. «Надо сначала хорошенько поздороваться, назвать его, по крайней мере, почтенным дядюшкой, сказать приличную вежливость. Иначе китаец или промолчит, или ответит грубостью. Только наиболее мудрые, видя в нас иностранцев, не знакомых с обычаями страны, извиняли нам подобную невежливость» [2, с. 119].

Встреча гостей в Китае, начиная с официальных приемов в императорском дворце, обставлена знаменитыми «китайскими церемониями», где этикет разработан до мельчайших тонкостей, малейшее несоблюдение которых бывает причиной негодования, ссор и наказания. «Посещая каких-либо важных лиц, вы выбьетесь из сил от одних церемоний, что никакой умный разговор на мысль не пойдет, а потому надо хорошо втянуться в светскую жизнь китайцев прежде, чем приступить к какому-либо делу с ними», – советует Е.П. Ковалевский [2, с. 4].

Рассказы очевидцев позволили читателям увидеть и в определенной степени погрузиться в атмосферу китайской действительности. Из дневниковых заметок российского географа и исследователя Дальнего Востока Г.Е. Грумм-Гржимайло мы узнаем, что вся деятельность мужчин вращается обыкновенно вне сферы домашнего очага. Чуть свет – и китаец уже толкается где-нибудь на базаре или работает тут же, в какой-нибудь комнатухе, которая для него одновременно и приемная, и лавка, и мастерская. Вот почему китайские базары так шумны, а прилегающие к ним улицы людны. Но «пройдите один-два квартала, – с удивлением отмечает автор, – и вас невольно поразит господствующая кругом тишина и как будто даже

пустынно: на улице ни души, и только из-за оград доносятся изредка голоса, свидетельствующие, что не все еще умерло здесь по соседству. И такими контрастами с окрестностями отмечены в Китае не одни только базарные улицы, но и все магистральные и второстепенные, водяные и сухопутные пути сообщения: на них вереницы людей и животных, а на десятки километров в стороны – ни души» [4, с. 142].

Осматривая китайские города, путешественники проходили мимо многих «закрытых» зданий. Непроницаемая и загадочная тишина домов резко контрастировала с многоголосьем и многозвучием китайской улицы. Обывательское любопытство рождает естественное, пусть и нескромное, желание заглянуть за эти стены, узнать, что они скрывают? Путешественники прошлых столетий не имели возможности достаточно полно описать жизнь китайцев в замкнутом пространстве их собственных домов по многим причинам. Прежде всего, китайская традиция требовала сокрытия мира личной жизни китайской семьи от посторонних глаз. Помимо этого, власти, ограничивая возможность свободного перемещения прибывших в столицу иноземных гостей, препятствовали появлению возможности детально изучить бытовой уклад местных жителей, которые относились к иностранцам с определенной долей настороженности и недоверия.

Известный синолог В.В. Малявин, изучая культуру и, в частности, бытовой уклад народов Центральной и Восточной Азии, отмечает, что «нет понятия более емкого, многозначительного и, главное, более убедительно связывающего различные образы мира и человека, различные стороны быта, чем понятие “дом человека”». Для того чтобы осознать и объективно охарактеризовать культурную традицию китайцев, нельзя не приглядеться внимательнее к тому, каким был их жизненный мир, и, прежде всего, – жилище. «Дом в Китае есть нечто большее, чем космос. Он есть прообраз пустоты Неба или Мировой пещеры, несущий в себе зияние великой открытости бытия» [5, с. 302].

Наиболее значимым и, пожалуй, единственным интимно-доверительным сообществом в Китае была семья. Глава добропорядочного семейства мог с полным основанием называть свой дом не только крепостью, но и государством. Проезжаете ли вы мимо усадьбы богача, княжеского дворца или знаменитой кумирни, вам сложно представить, в чем состоит их лучшее внутреннее украшение. Взяв за основу сноски, краткие упоминания, комментарии, описания российских путешественников, постараемся, по возможности, представить картину внутреннего убранства китайских домов.

Далеко не каждый исследователь имел возможность преодолеть стену традиции и переступить порог китайского дома. Г.Е. Грумм-Гржимайло тесно общал-

ся со Сплингардом, бельгийцем, дослужившимся на китайской службе до генеральского чина, и неоднократно бывал в его доме. Поэтому в его дневнике мы находим много познавательных заметок. К примеру, «для того, чтобы нескромный взгляд не проникал через запретную дверь, против нее воздвигается стенка-щит, обычно покрытая вычурною живописью или надписями». Обычно за таким щитом находился путь на задний двор. Выход в боковые комнаты закрыт вместо дверей занавесями. Аналогичное расположение комнат можно увидеть и в императорском дворце, и в домах знати, чиновников и торговцев. «Пройдите далее в глубину усадьбы, – советует путешественник, – и вы встретите здания одно чище другого»; оконные рамы – из цельного черного дерева, мебель – вся из кипариса и сандала; «бездна всяких безделушек и дорогих вещей украшают кабинет богача». Другой фрагмент: «...у китайцев среди многочисленных комнат имеется одна, в которой в определенные дни, перед таблицей предков, хранимой в особых шкапчиках, собирается для жертвоприношений вся семья». В доме чиновника была большая приемная зала, украшенная картинами. Она имела более уютный вид, чем мрачная официальная приемная главного корпуса. «Это была “ву-цзе”, то есть приемная для лиц, явившихся к нему не по служебным делам» [4, с. 201]. Как и во многих богатых домах, эта приемная комната была декорирована резными украшениями из дерева, разноцветными фонариками, фарфором и цветами. В высокой и просторной столовой, где устраивались званые обеды, одна из стен делалась сплошь резной из черного лака с большими окнами. Обеденный стол помещался против стены, причем сидения располагались только по внешней его стороне. Внутренняя же оставалась свободной для того, чтобы можно было видеть представления фокусников, слушать пение и игру музыкантов. Комнаты старших дочерей, наполовину занятые канами, устланные коврами, были заполнены сундуками и увешаны свитками с изречениями, причем иероглифы на некоторых из них были искусно скомпонованы из цветов и листьев.

Счастье посетить императорский дворец было доступно лишь немногим, так как это был не только дом правителя государства, но и воплощение многовековой культуры, этической и эстетической нормы и канона, исторически сложившегося стиля архитектуры, искусства, науки и религии. П.А. Пясецкий – не из их числа. «Смотрю во все стороны, ищу глазами того изящества, роскоши и красоты, какими щеголяют другие столицы, ищу, – но ничего говорящего, что это резиденция Сына Неба, не вижу»: заросшая травой площадь, вымощенная каменными плитами дорога, ведущая на внутренний двор, неуклюжие здания, каменные стены, виднеющиеся вдали сады, возвышающиеся над деревьями крыши желтого, зеленого и синего цветов – «это малое доступно глазу наблю-

дателя лишь в общих чертах, потому что большое расстояние мешает видеть какие-либо подробности, а все ворота заперты» [6, с. 149]. Возможно, неудовлетворенное любопытство явилось причиной столь неодобрительной и в какой-то степени презрительной оценки Запретного города.

Взгляд автора-путешественника и ученого на мир китайской жизни, взгляд, который он разделял со своими современниками, побуждали его искать парадоксальные ситуации и выделять именно их из потока информации, что позволяло передать ощущение противоречивого богатства жизни восточного города. В связи с этим традиции и сугубая прозаичность жизни внезапно раскрываются по-новому, будучи рассмотрены под углом зрения другой цивилизации.

Известный российский военный деятель, писатель и путешественник П.Н. Краснов был направлен на Дальний Восток в качестве корреспондента газеты «Русский инвалид». Прибыв в столицу Цинской империи, он смог проникнуть внутрь императорского дворца и летней резиденции императрицы Цыси в парке Ихэюань, так как императорский двор еще не вернулся в Пекин после бегства от наступавших войск союзных держав. Сравнивая уже виденные им дома горожан и императорские покои, он приходит к выводу, что они имеют много общего: «... те же стенки от злого духа, те же широкие ворота, те же дворы, идущие один за другим с узкими переходами между ними». В то время как фанзы простого смертного выложены из серого кирпича, фанзы императора – раз в двадцать больше, окрашены в ярко-красный цвет, выложены богатым узором из цветной керамики и имеют крыши из черепицы, покрытой блестящей желтой эмалью; здесь яркие, пестрые краски «ложатся в особенную китайскую гармонию». «Мрамор, золото, керамика, медь, богато окрашенное дерево и художественная резьба – вот материалы, из которых созданы дворцы». Автор описывает красоту мраморной с резными перилами набережной, полукругом обвивающей прозрачный пруд, крытой деревянной галереи из тысячи зеленых столбиков, на каждом из которых «были выведены синие, красные и золотые узоры». Вдоль галереи росли высокие темные туи, розы и различные редкие цветы. В озере вода была прозрачная, «как слеза красавицы», «по озеру росли сплошь широколистные лотосы». Чашечки их цветов горделиво возвышались над гладью воды. На огромной мраморной площади, расположенной посередине набережной, были установлены «уродливые камни на мраморных колонках, медные грифоны и чудовищного вида птицы», значимость которых, по всей вероятности, была неизвестна автору. Вокруг птиц была сделана настолько уникальная и тонкая резьба, что «не верилось, будто это сделано человеческими руками». Путешественник считает, что российские дворцы

красивее и богаче летнего дворца в Пекине, но «они не имеют ничего сказочного». Красота европейской архитектуры нам известна и понятна, а этот стиль, эта гармония ярких красок и изображений странных, несуществующих в природе зверей, масштабы построек, озер и каналов, нам кажутся таинственными и «дают необыкновенный сказочный колорит» [7, с. 341].

Внимание П.Н. Краснова привлекали не только театр военных действий, резиденция китайских императоров и многочисленные храмы и монастыри, но и обычные, казалось бы, ничем не замечательные провинциальные городки с их лепящимися друг на друга домами, многочисленными отдельными постройками, разделенными очень узкими и тесными двориками, где в каждом доме живет обыкновенно по несколько семейств. «Улицы велись здесь, – пишет он, – между каменными заборами и одноэтажными домами, возле которых были оставлены дорожки, нечто вроде тротуаров, и проведены узкие, выложенные гранитом канавки» [7, с. 281].

В свои очерки П.Н. Краснов включил описания маньчжурских деревень, дающие нам яркое представление о жизни и быте жителей северо-восточного Китая XIX в. Фанзы-мазанки состоят из двух-трех комнат с сенями и большими окнами с резным переплетом, заклеенными особенно прочной белой бумагой. От этих окон в домах царит какой-то тусклый полусвет, и «они кажутся бледными и невеселыми» [7, с. 318]. Вокруг комнаты вьется кан – глиняная четырехугольная труба, приспособленная для сидения и лежания. Рядом с домом ютятся сарай и маленькая кумирня. Все эти постройки обнесены забором, опоясывающим двор, зачастую имеющий и огород. Подобные усадьбы, соседствуя друг с другом, образуют причудливый лабиринт улиц.

Известный русский географ, геодезист, исследователь Центральной Азии М.В. Певцов, во главе казачьей сотни сопровождая торговый караван в Джунгарию и совершая путешествия в Тибет, собрал богатейший этнографический материал о жизни местных народов. Результат его личных наблюдений – отчет, составленный из чрезвычайно интересных, местами очень ярких описаний, который дает нам возможность увидеть Китай без прикрас и экзотики. Автор отмечает, что в Северном Китае дома строят преимущественно из необожженного кирпича или глины с рубленой соломой, «реже из камней, связанных цементом». Только немногие здания, например кумирни и театры, воздвигают большей частью из обожженного кирпича, который отличается высоким качеством. Больших домов здесь не строят. Крыши кроют тростником, обмазывая его сверху глиной, или же черепицей. «Полы встречаются только у зажиточных и настилаются из кирпича, тесаного камня или глины, у бедных полом служит самый грунт. Деревянных полов по причине дороговизны леса не делают» [8, с. 163].

Очень широкие среднего размера окна проделываются только в одной стене, выходящей во двор, а не на улицу, как в России или Европе. Стекла – большая редкость даже в богатых городских домах. Их «вставляют преимущественно только в верхние квадратики рам, чтобы во внутренность их жилища не проникали взоры любопытных». Поверхность кана покрывается циновками. На нем китайцы спят ночью, а днем сидят, пьют чай и обедают на низеньких столиках вроде табуретов. «Тепла в комнате кан дает ничтожное количество, поэтому зимой в китайских домах немногим теплее, чем на дворе, и все в комнатах постоянно одеты по-зимнему» [8, с. 163]. Стены комнат штукатурятся, в домах зажиточных белятся или оклеиваются белой бумагой, а у богатых иногда обоями. Домашняя мебель состоит из столов, табуретов, шкафов и шифоньерок, покрываемых иногда прочным лаком. Причем мебель в общественных местах ничем примечательным не выделялась.

Анализируя фрагменты дневниковых записей российских путешественников, мы видим, что авторы описывали помимо вопросов, предварительно включенных в план научных изысканий экспедиции, все любопытные сюжеты о китайском бытовом укладе и традициях, которые попадались им на глаза. Так, Г.Е. Грумм-Гржимайло обращает внимание на простые и бесхитростные развлечения местного населения. «Когда мы подходили к селению Му-Лэй, – отмечает автор, – то встретили толпу китайцев, занимавшихся пусканием бумажных змеев». У нас эта забава – занятие подростков, которые подчас с шумным восторгом приветствуют поднятие и полет бумажного ромба, на востоке Азии и на островах Тихого океана – это дело взрослых, дело серьезное, потому что там змей имеет символическое значение, суть которого раскрывают многочисленные легенды. Одна из них повествует о том, что «некогда неприятели вторглись в Китай и осадили важный пограничный город, в котором укрылся со своим войском генерал Хань-синь. Будучи в крайности и желая дать знать императору о тяжелом положении гарнизона, он придумал пускать в воздух бумажные змеи огромных размеров и формы. Змеи были усмотрены и враг разбит». В ознаменование столь радостного события и было будто бы указано ежегодно в девятый день девятой луны отмечать это время пусканием бумажного змея. Многие китайцы восточных провинций в этот день уходят со своими семьями за пределы поселения пускать змеев, которым приписывается чудесная способность уносить с собой в воздух все горести и несчастья людей. «Если после того, как бечевка отрезана, змей исчезнет из глаз в поднебесье, то это означает, что семья обеспечена на год от всяких напастей, если же упадет на землю, то и это тоже неплохо, ибо полагается, что вместе со змеем разбиваются и все грозившие дому несчастья» [4, с. 605].

Выдающаяся роль в исследовании Азии принадлежит Н.М. Пржевальскому. Менее чем за 20 лет (1867–1885 гг.) он организовал и провел пять экспедиций в Уссурийский край, Монголию, Китай, Тибет, на озеро Лобнор, в Джунгарию. Интересны высказывания путешественника по поводу отношения в Китае к русским как представителям дружественной страны. «Китай не имеет желания вступать в близкие сношения с иностранцами, поскольку подвергается несправедливости и нападкам... со стороны европейцев, начиная от привилегированного здесь положения всех иностранцев вообще... до торговой эксплуатации и насильственного ввоза опиума, отравляющего цвет китайского населения». Однако к русским, отмечает автор, в Китае другое отношение. «На нас, собственно говоря, ни в чем подобном Китай не может жаловаться. Мы всегда были слишком уступчивыми и добрыми для него соседями» [9, с. 231].

Российские путешественники не только внесли большой вклад в изучение природы и населения Востока, но вниманием к людям и уважительным отношением к местным обычаям содействовали установлению дружественных отношений между Россией и народами других стран. Имеются свидетельства того, что даже при известной стесненности в денежных средствах наши соотечественники сочувствовали бедному люду и по возможности оказывали помощь жителям тех мест, где проходили. Сведения об этом приводит Ю.А. Сосновский. «В местностях Хань Чжун-фу, Хэ Цзя-йя и других делались пожертвования “поселянину-китайцу и семье христианина-лодочника”, сделан “вклад в миссионерскую церковь”, выданы деньги двум бедным семьям, нищим, школьному учителю на лечение больного сына, бедным, кумирне, на “общественные надобности города”. Общая их сумма в период с 14 апреля по 25 августа 1874 года составила несколько сот рублей серебром» [10, с. 235].

Одним из важнейших и достаточно распространенных мероприятий, благодаря которому вносится разнообразие в реально существующую или только кажущуюся таковой европейцам монотонность жизни в Китае, является театр. Из отчетов и заметок путешественников российская общественность узнала о том, что представляет собой местное сценическое искусство. При всей его специфичности Г.Е. Грумм-Гржимайло находит единые с европейским театром черты, к примеру, в происхождении: «... и китайцы начали с того, что воспевали своих богов и героев, которым в уста влагали высокопарные речи и благородные мысли. Зародившись у алтарей, драматические произведения Запада перешли сначала на паперть, затем на церковный двор и, наконец, на улицу, после чего, преобразившись окончательно, вызвали нападки со стороны своих прежних творцов – служителей церкви. Ту же судьбу испытал театр и в Небесной им-

перии, где уже Конфуций (или ученики его?) воздвиг на него гонение, объявив проповедуемые с подмостков идеи не только противными здравому смыслу, но и безнравственными» [4, с. 202]. Лишь даосы, а затем и буддисты, которые, по мнению автора, продлили жизнь этому виду искусства, и поныне гостеприимно открывают ворота своих кумирен и монастырей странствующей труппе актеров.

Изучая географию и этнографию китайской провинции, М.В. Певцов отмечает, что в каждом большом селении непременно есть кумирня, а против нее в расстоянии 20–30 сажень – театр, состоящий из сцены, обращенной к кумирне, с небольшой при ней комнаткой. Из дневниковых записей этого путешественника мы узнаем о том, что кумирня и театр – лучшие здания в селении. Они строятся большей частью из обожженного кирпича, имеют черепичные крыши и отличаются изяществом архитектуры. В сельских театрах временами дают представления странствующие труппы. В них же путешествующие ученые рассказывают иногда некоторые эпизоды из истории Китая, которые поселяне в короткие часы досуга слушают с необычайным интересом. В городах кроме постоянного театра устраивались и несколько временных. Музыканты помещаются сбоку самого сценического пространства, а публика смотрит на игру стоя. Далее автор повествует о том, что только немногие богатые, да и то преимущественно женщины, следят за ней из экипажей, стоящих позади толпы. Зрители на представления во временных театрах допускаются бесплатно, так как они устраиваются по подписке, причем различные части города чередуются между собой при построении балагана и найме труппы. В постоянный же городской театр, имеющий закрытое помещение, публика допускается за определенную плату, в которую иногда входит и обед, и сидит на скамьях.

Саму же игру китайских актеров, в числе которых, свидетельствуют зрители-европейцы, немало одаренных, «можно было бы признать натуральной, если бы она не теряла много от неполноты сценической обстановки и подчас излишнего фиглярства» [8, с. 167]. Здесь воображению зрителей приходится дополнять очень многое из того, что только слегка затрагивается актером или указывается в либретто. «О сценической иллюзии нет и помину, – пишет Г. Грумм-Гржимайло. Так, если по пьесе происходит убийство, убивающий указывает на убиваемого мечом или копьем, и тот убегает со сцены» [4, с. 375].

Отдавая дань уникальности китайской культуры, В.М. Алексеев отмечает, что условный театральный язык может быть понят только на его родной почве. «Иностранец должен усвоить этот условный язык, переведя его сначала на свой собственный, не менее условный, а потом, соединив добросовестно оцененные элементы его в новый мир, позволяющий жить жизнью чуждого вначале театра» [3, с. 59].

Описание специфических черт театрального мастерства продолжает М.В. Певцов: «В патетических или трагических местах речитатив повышается и переходит в пронзительный визг в ускоренном темпе. Хорошим актером почитается тот, кто умеет взять верный тон, то есть издать и продлить с известными модуляциями звук, ласкающий китайский слух. Монотонное пение фистулой не может быть приятно для слуха европейца, хотя и не лишено некоторой доли привлекательности. Европейцам скорее может понравиться китайский речитатив». Музыканты, сидящие в глубине сцены за столом, вторят вокалистам при помощи гонгов, бубнов и колотушек, «не щадя барабанных перепонок слушателей». По мнению М.В. Певцова, китайская музыка, которую исполняют по памяти, «оркестрованная из скрипок с длинными грифами и ладами, флейт, барабанов, треугольников и тарелок, весьма монотонна и гармонична» [8, с. 167]. Но «сколько бы ни изощрялся китайский музыкант, для европейца, звуки, им издаваемые, всегда покажутся какофонией» [4, с. 375]. В данном случае антипатию вызывает не сам принцип звукоизвлечения и построения мелодии, а его исключительность, необычность, «непохожесть» на привычную русским слушателям музыку и манеру ее исполнения.

Немногие исследователи XIX в. пытались представить полную картину китайской жизни, подбирая разносторонний по характеру и содержанию материал. Подчеркивая различные детали из области местной социальной действительности, авторы обходят, как мы видим, своим вниманием важную проблему реализации в данной сфере традиционных эстетических идеалов. Современная нам наука, используя знания, полученные на протяжении жизни и творчества не одного поколения, видит китайскую цивилизацию как сложно устроенную систему, в которой важное значение имеет весь комплекс факторов общественного развития. Без его анализа невозможно дать адекватную характеристику китайской культуры.

Заметки, оставленные путешественниками, представляют немалый интерес, поскольку, как мы уже говорили, позволяют воссоздать положение, складывавшееся не только в сопредельных государствах, но и на окраинах России.

Путешествие по Китаю и описание увиденного разворачивает перед нами интересную картину китайской жизни. Подобные исследования выявляют оригинальность, национальную специфику изучаемой страны, позволяют сопоставить культурные ценности западного и восточного миров.

Путешественники выступают не просто первооткрывателями земель. Они характеризуют и оценивают экономическую и политическую ситуацию в сопредельном государстве. В их научных описаниях явно прослеживается попытка компоновки и систематизации всей имеющейся информации о Средней

империи и ее жизни в рамках того или иного вопроса. Внимательно изучая детали культурной традиции, они осмысленно воссоздают адекватный образ предметов или явлений.

На основе документальных источников можно сделать заключение о серьезной и всесторонней деятельности путешественников-географов по собиранию

предметов материальной и духовной культуры Китая. Выдающиеся путешественники – Н.М. Пржевальский, Е.П. Ковалевский, Г.Н. Потанин, М.В. Певцов, В.И. Роборовский, В.А. Обручев, Ю.А. Сосновский, Г.Е. Грум-Гржимайло – показали современникам малознакомую сторону жизни Китая и выдвинули отечественное востоковедение на одно из ведущих мест в мире.

Библиографический список

1. Петров, Н.А. Научные связи между востоковедами и путешественниками-географами в конце XIX – начале XX вв. / Н.А. Петров // Страны и народы. – М., 1959.
2. Ковалевский, Е.П. Путешествие в Китай / Е.П. Ковалевский. – СПб., 1853.
3. Алексеев, В.М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. / В.М. Алексеев. – М., 1958.
4. Грум-Гржимайло, Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай / Г.Е. Грум-Гржимайло. – СПб., 1899.
5. Малявин, В.В. Сумерки Дао / В.В. Малявин. – М., 2000.
6. Пясецкий, П.Я. Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. через Сибирь, Монголию, Восточный и Северо-Западный Китай / П.Я. Пясецкий. – М., 1882.
7. Краснов, П. По Азии. Путевые очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии в 1901–1902 гг. / П. Краснов. – СПб., 1903.
8. Певцов, М.В. Путешествия по Китаю и Монголии / М.В. Певцов. – М., 1951.
9. Пржевальский, Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки: исследование Северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима / Н.М. Пржевальский. – СПб., 1888.
10. Гончаренко, С.Н. Из истории русско-китайских отношений: русские путешественники в Китае во второй половине XIX в. / С.Н. Гончаренко // И не распалась связь времен. – М., 1974.